

Литературная критика как идеологический дискурс

Ю. А. Говорухина

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, КРАСНОЯРСК

Аннотация: Статья представляет собой анализ-реконструкцию «симптомов» патриотического литературно-критического дискурса как дискурса идеологического, описываются процедуры, практики, механизмы производства знания, а также манифестирование таких инстанций дискурса, как метасубъект и метаадресат коммуникативного события. Дискурсивный анализ позволил выделить (не)осознаваемые правила интерпретации и обговаривания фактов литературной действительности, мыслительные установки, порождающие все множество патриотических текстов: эмоционально-взрывное мышление оппозициями, инвариант которых «свой – чужой»; понимание литературно-критической деятельности как бескомпромиссной борьбы, битвы против изолированного в своих стратегиях «врага»; полагание образа катастрофических последствий победы «чужой» идеологии; установка на такой способ говорения о «чужом», который предполагает обвинение, разоблачение, запрет, символическое наказание; самопрезентация как спасителя для неопределившегося, дезориентированного, пре-ступившего, обманутого(вшегося) читателя; представление о читателе как объекте преобразования, «формовки». Выводы доказывают невозможность диалога «патриотов» и «либералов», чьи дискурсные «сценарии» в критике не пересекаются.

Ключевые слова: Властный дискурс, дискурс-анализ, идеологический дискурс, идеология, интерпретация, история чтения, литературная критика, патриотическая критика, прагматика текста.

УДК: 82.09.

Контактная информация: Красноярск, пр. Свободный, 82/1. СФУ. Тел. 8-913-5748112. E-mail: yuliya_govoruhina@list.ru.

Близость идеологической и литературно-критической деятельности кажется очевидной (доказывает это история русской критики, в которой публицистичность и тенденциозность всегда оказывались сильнее и успешно конкурировали с критикой «эстетической»), может быть, поэтому в литературно-

ведении отсутствуют специальные исследования критического дискурса (субдискурса) в рамках идеологического (метадискурса¹). Критика привычно осознается как социокультурный институт, связанный с политикой, идеологией, искусством, наукой. Это прочитывается, например, в суждении Т. Иглтона о том, что история критики является частью истории определенных идеологических формаций, каждая из которых внутренне артикулирована через набор привилегированных критических практик [Eagleton, 1976, p. 20–21]. Действительно, славянофильская, почвенническая, народническая, марксистская критика могут быть рассмотрены как формы политического / идеологического высказывания. В этом аспекте более всего исследована последняя, в своем советском варианте служившая проводником власти². По мысли Е. Добренко, «политическая инструментализация литературной критики наряду с литературоцентризмом является специфической чертой советской культуры» [2011, с. 10]. Если содержательная идеологическая составляющая критики изучена, то дискурсивная, объясняющая специфику идеологически направленного «способа говорения», остается неисследованной. В 1990-е годы, когда журнальные битвы ослабли, а эстетическая (филологическая) критика упрочила свои позиции, данный объект стал менее интересным. Однако так называемые «патриотические» (или традиционалистские) литературные журналы и газеты продолжают успешно функционировать, имея идеологически твердую позицию. Она напрямую заявляется в публицистических текстах и может быть реконструирована на материале литературно-критических рефлексий. Более того, если осмысливать понятие идеологии широко, как систему взглядов, идей, характеризующих социальную группу, класс, политическую партию, общество, критика не может быть неидеологической, апеллируя к ценностям, означенным как «свои».

Содержательная идеологическая составляющая критического текста может быть представлена в виде прямых оценок «своих – чужих», прямых формулировок ценностных координат, критериев оценки текста / персонажа / писателя / литературного и социального явления. В то же время текст содержит в себе знаки (образы, тип синтаксических конструкций, тропы, дискурсивные формулы (В. Карасик³)), посредством которых могут быть реконструированы

¹ Ю. А. Сорокин при определении политического дискурса руководствуется соотношением качественно охарактеризованных рода и вида, где политический дискурс – видовая разновидность идеологического [1997, с. 57]. Этот же принцип используем мы, акцентируя имплицитную прагматичность литературной критики, сближающую ее с идеологическим дискурсом.

² См. работы: Добренко Е. Формовка советского писателя: социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб., 1999; Кларк К. Марксистско-ленинская эстетика // Соцреалистический канон. М., 2000; Иглтон Т. Марксизм и литературная критика. М., 2009; Джеймисон Ф. Критика в истории // Неприкосновенный запас. 2012. № 5; Бугаенко П. А. В. Луначарский и советская литературная критика. Саратов, 1972 и др.

³ Дискурсивные формулы – «своеобразные обороты речи, свойственные общению в соответствующем социальном институте» [Карасик, 2000, с. 15].

порождающие механизмы: те когнитивные (осознаваемые и нет) установки, которые определяют стиль мышления и письма патриотов, а также интерпретационные стратегии, выбор прагматически ориентированных приемов. Цель данной работы – выявление и реконструирующий анализ своего рода симптомов патриотического дискурса как дискурса идеологического: от «следов» дискурса предполагается идти к порождающим эти следы основаниям. Статья не содержит оценки истинности или ложности патриотической идеологии. Вслед за М. Фуко мы не оцениваем содержание, а описываем процедуры, практики, механизмы производства знания¹, а также манифестирование таких инстанций дискурса, как метасубъект и метаадресат коммуникативного события [Тюпа, 2004, с. 70].

Теоретическими и методологическими основаниями для данного исследования послужили следующие положения / допущения.

1. Литературно-критический дискурс осмысливается как дискурс властный [Говорухина, 2013], что предполагает мысль М. Фуко о том, что язык «безнадежно колонизирован» властными значениями.

2. Наличествуют такие установки / фреймы / экстралингвистические факторы (Н. Д. Арутюнова²), которые участвуют в порождении текста независимо от воли автора. В более крайнем варианте эта мысль выражена в мысли Ж. Деррида: любое письмо организует себя независимо от желания автора посредством ритуализированных и от этого некритически воспроизводимых практик [Деррида, 2000]. Момент ритуализированности важен для нас в данной работе, поскольку патриотический дискурс демонстрирует не только повторяемость, но и своего рода «освященность» (жестким прикреплением к своему-чуждому) использования тех или иных приемов. Выполнение ритуала становится еще одним (помимо идейного единomyслия) знаком принадлежности «своим».

Важной для нас будет и мысль М. Фуко, который определял речь как инструмент освоения реальности, в ходе которой не только осваивается / «обговаривается» мир, но и складываются правила этого обговаривания, соответствующие мыслительные конструкции [Фуко, 1996а]. В рабочем определении дискурса для нас как раз и будет важен этот аспект: дискурс – сложившиеся способы, правила, логика обсуждения чего-либо, репрезентируемые в тексте.

---

¹ Описать высказывание, по М. Фуко, «не означает анализировать отношения между автором высказывания и тем, что он сказал (или хотел сказать, или сказал, не желая); это означает определить, какова позиция, которую может и должен занять любой индивид, чтобы быть субъектом данного высказывания <...> Обнаружение такой “позиции” – показатель того, что мы достигли стратегической глубины исследуемой дискурсивной практики» [Фуко, 1996а].

² Н. Д. Арутюнова определяет дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [1998, с. 136–137].

Отсюда идеология может быть понята как способ описания, вид интерпретации, последнее еще более сближает идеологию и литературную критику.

3. В работе мы опираемся на метод критического дискурс-анализа, разрабатываемый группой «CRITICS» (Centers for Research Into Texts, Information and Communication in Society)¹.

Литературно-критический дискурс мы представляем как дискурс идеологический, понимая под идеологией форму знания, которая представляет собой тематизацию «своих» ценностей [Барт, 1975], относительно упорядоченный, динамично развивающийся набор коллективных идей и убеждений, выраженных в семиотических, ритуальных художественных или поведенческих формах [Мусихин, 2013, с. 223]. Тенденция сближения понятий дискурса и идеологии наблюдается в работах Т. ван Дейка, который представляет дискурс в виде структуры: предмет обсуждения + социальная ситуация + идеология. Дискурс, по мнению ученого, всегда идеологически окрашен². Подобная мысль высказывалась Л. Альтюссером: «Нет практики, кроме той, которая осуществляется посредством и в рамках некоей идеологии» [Althusser, 2008, р. 44]. В отношении литературной критики этот тезис наиболее явен. Литературно-критическая ситуация, действительно, может быть осмыслена как ситуация конкуренции, конфликта, в которой сталкиваются / вырабатываются / распространяются свои инструменты осмысления действительности. Это борьба не оценок, но мировоззренческих моделей и моделей интерпретационных («идеологии интерпретируют мир, который есть, как мир, каким он должен быть» [Мусихин, 2013, с. 7]). Определение идеологии как системы верований и убеждений помогает объяснить ожесточенность критических боев в истории русской критики. Отсутствие потребности в рационализации, доказательств тех или иных идеологических положений, невозможность и ненужность доказательств истинности той или иной ценностной установки, лежащей в основе критической оценки, принятие на веру и высказывание от имени веры объясняют агрессивность носителей идеологии по отношению к «иноверцам».

«Патриотическая» критика может быть определена как идеологическая по следующим дискурсным признакам:

Во-первых, «патриоты» – группа единомышленников, самоидентификация которых предполагает четкое отличие от других групп и позиционирование себя как “Мы”. Субъект идеологии всегда верит посредством другого / других: “Я верю в Идею как реальность” означает “Я верю, что другие члены моего сообщества верят в эту же идею как реальность”» [Мусихин, 2013, с. 36]. Категория «свой круг», оппозиция «свой – чужой» предполагает соот-

¹ См. работы: Fairclough N. Discourse and Text: Linguistic and Intertextual Analysis within Discourse Analysis (1992); Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ: теория и метод (2008); Wodak R. The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual (2011); Reisigl M., Wodak R. Discourse and Discrimination (2001); Ван Дейк Т. Дискурс и власть (2013) и др.

² По мысли Т. ван Дейка, «идеологии по преимуществу выражаются и овладеваются посредством дискурса, т.е. устного или письменного коммуникативного взаимодействия» [Dijk van, 2006, p. 121].

ветствующий способ структурирования критиком-«патриотом» социума и литературного пространства, позитивную самопрезентацию и негативную презентацию чужих.

Во-вторых, критика патриотов представлена статьями с интерпретацией мира, в которую вписаны они сами, что свойственно идеологическим суждениям. Прямые идеологические суждения / призывы в современной патриотической критике звучат нередко: это и призыв Н. Федя действовать, возвратиться к первоистокам, чтобы вернуть народу «веру в объединяющую созидательную идею» [1993а, с. 222], и утверждение П. Ткаченко об опасности отсутствия образа врага / противника в сознании человека [Ткаченко, 1995, с. 205], о том, что альтернативой пацифизму как одностороннему миропредставлению должна быть система ценностей патриотических [Там же, с. 207]. В. Гусев называет принципы патриотического мировидения: признание первенства в сущем мире светлого духовного начала; принцип верности Природе; национального начала как обязанности и ответственности; братства людей с объединяющей ролью русского языка [1996, с. 159]. К. Кокшенева приводит свой вариант: вера, преображенный личной творческой волей реализм как способ мыслить и чувствовать, борьба за человека традиции, «то есть за полноту русского в русском человеке» [2002, с. 278].

Всплеск активности национально-патриотической идеологии объясняется политологами кризисом национальной идентичности, «утратой чувств исторической перспективы и понимания уровня самооценки нации» [Кара-Мурза и др., 1995, с. 6]. В этих обстоятельствах патриоты, в том числе критики-патриоты, объявляют истинные инстанции взамен тех, которые признают опасными, ложными. «Ложное сознание» замещается «истинным» либо репрессивно, либо косвенно [Кожемякин, 2007, с. 40], литературная критика представляет второй путь транслирования моделей мышления и говорения/письма, а также контроля и корректирования деятельности адресата, формируя отношение людей к условиям их реального существования [Althusser, 1970, p. 15].

Идеологии – это, по сути, интерпретационные рамки. В патриотической критике это идеологически объясняемые рамки интерпретации и оценки текста, социального факта, в соответствии с которыми актуальными становятся понятия русскость, православие, народность, реализм и др. Эти рамки предполагают деление произведений / авторов на «своих – чужих», определяют систему стратегий присвоения, предсказуемость интерпретаций как текстов, так и событий / поступков [Говорухина, 2012].

Патриотический дискурс бинарен (оппозиции, прямо заявленные в статьях либо реконструируемые: православный – иноверец, добро – зло, свой – враг, Родина – заграница, столица – провинция, народный – антинародный, русский – антирусский и др.), отражая бинарность мышления патриота. Эта установка мышления (дискурсная установка) исключает нейтральность, срединность и подвергает сомнению общечеловеческие ценности («обще-» вне бинарности)¹. Позиция нейтралитета, заметим, это не возможная позиция

---

¹ Ирония, прямая критика, неприятие ориентации на общечеловеческие категории, ценности звучит в следующих репликах патриотов: «Впрочем, есть

идеологически неопределившегося читателя, но осознанная позиция «чужого», позиция снятия ответственности. Вот почему за нейтральностью патриот видит разрушительное начало: «Отчетливо выявилась плеяда литераторов, чьим “творческим” принципом стала безжалостность или безжалостная нейтральность, граничащая с жестокостью – и к своим героям, и героев друг к другу, и к обществу в целом...» [Ованесян, 1992, с. 249]. Отметим здесь частотный прием обобщения (от персонажа к обществу) с целью обнаружить размах зла, перекинуть угрозу на читателя как единицу социума. «Сенчин и ему подобные <...> удивительно бесчувственны и беспечальны. Они холодны и расчетливы», они прямое следствие «тотального исключения идеологии из жизни и литературы» [Кокшенева, 2002, с. 273]. Нейтральности (стилистической и мировоззренческой) «врага» патриот противопоставляет искренность чувств, неравнодушие и экспрессию в описании собственных всегда сильных впечатлений от прочитанного / увиденного. Такова, например, реакция Е. Ованесяна на тексты Л. Петрушевской: «Другая героиня Л. Петрушевской (“Свой круг”) так же ровно и буднично повествует о смерти матери: “...ее выкатили умершую, вспоротую и кое-как зашитую до подбородка...” *Не без душевного содрогания* (здесь и далее во всех цитатах курсив наш. – Ю. Г.) выделены мной эти страшные слова, страшные по отношению к человеку, а тем более – к матери» [Ованесян, 1992, с. 249]. Боль и истовая вера – душевные маркеры «своего» – обнаруживает А. Власенко в текстах А. Крыга: «Главное достоинство произведения Алеся Крыга заключается <...> в проникновенном, ярком изображении светлой души народной. Оно принадлежит <...> истинному художнику, сумевшему рассказать о трагедийной жизни и *с болью сердечной*, и с верой в преодоление великого горя...» [Власенко, 1993, с. 226]. Образ нежного, «переживающего за всех нас Бориса Примерова» появляется в статье Л. Лавлинского [1999, с. 256]. Н. Федь об А. Д. Знаменском: «Когда размышляешь о нравственном возвышении этого писателя, *на душе становится светло и радостно* <...> *Мы с болью в сердце* следим за судьбой персонажей»; «нас охватывает чувство безнадежности и одиночества, наконец, гнетет тоска и нездешняя печаль. Нечем дышать, тьма кругом...» [Федь, 1993а, с. 213, 218].

Писатель-патриот томим раздумьями: в романе Ю. В. Бондарева «Непротивление» А. Василенко видит «лицо русского писателя, томимого духовными исканиями» [Василенко, 1995, с. 229]. В текстах молодых поэтов из глубинки А. Власенко вычитывает «горестное раздумье о судьбе народа и Родины» [1994, с. 239]. В «Русском лесе» голос Леонова представляется М. Лобанову поднявшимся «до мощного органного звучания, вбирающего в себя раздумья автора о судьбе народа...» [Лобанов, 1994, с. 241]. В отличие от «своего», «чужой» писатель отличается необремененностью: «Ни Свириденков, ни Сен-

---

тут один правдолюб в тельняшке, виртуоз известный, тоже академик и наставник экс-президента, но сейчас он занят общечеловеческим враньем» [Федь, 1993а, с. 222]; «Точнее, идеология-то есть, но она столь разрушительна, что даже ее проповедники не решаются провозгласить ее основой государственной политики и говорят об “общечеловеческих ценностях”...» [Ткаченко, 1995, с. 205]; «Но Быков обвиняет, и обвиняет не как бывший фронтовик и патриот, а как общечеловек...» [Богдан, 1994, с. 268].

чин (а к ним можно прибавить еще одно имя – Маргариты Шараповой) совершенно не озабочены никакой идеологией поколения» [Кокшенева, 2002, с. 271]. Раздумья, озабоченность, противопоставленные легкости и необремененности коррелируют с оппозицией «неторопливость / медленность – торопливость / скорость»¹, где скорость сродни поверхностности, неспособности к глубине суждений, понимания. Так, литературная «чернуха», по мнению И. Стрелковой, «получила питательную среду благодаря ускоренному переосмотру всего прошлого <...> политизированные слои спешат соответствовать переустройству экономики и социальной психологии» [1991, с. 186], в то время как «свой» Горбовский «приглашает к раздумию, постепенности, настраивает ваш дух на возвышенный лад, с камертоном в руке. То есть лечит душу поэзией» [Горышин, 1991, с. 187].

В то же время раздумья не тождественны рациональности. Важно, что думы «патриота» неразрывно связаны с работой сердца, с эмоциями. Так, В. Курбатов констатирует уход России из сердца в поэзии Ступина («Всякий холм, река, степь, птица уже поселяются не в сердце, а в сознании»), как результат – образы «уже не находят отклика в читательском сердце» [1991, с. 189]. Уход в сложность от простоты и чувственности, по мнению критика, – чужой путь, ошибочный, опасный уравниванием с «противниками России» в «пустоте и тщетности средств» [Курбатов, 1991, с. 189].

Эмоционально взрывной, ненейтральный способ говорения, отражающий работу мысли сердечной, порождается, на наш взгляд, осознаваемой патриотом позицией участника бескомпромиссной борьбы со злом, врагами России / народа. Как следствие – простые бинарные оппозиции, восходящие к инварианту «свой – чужой», повышенный градус эмоций, недоверие к рациональному.

Идеологический дискурс патриотов обнаруживает следы активной и явной борьбы за еще неопределившегося читателя, стратегий говорения от лица единомышленников – со своим читателем и, реже, обращение с целью переубедить читателя «чужого».

Неопределившийся, случайный читатель – не свой, но и не чужой, – в идеологическую борьбу за которого вступает патриот, представляется как часть обманутого народа, дезориентированного и манипулируемого. В статье Е. Ованесяна «Творцы распада» создается такой образ читателя-жертвы: «Еще на заре перестройки, в период незабвенного “ускорения” и ныне забытого “большого социализма”, на мирного читателя, *доверчиво* потянувшегося к первым росткам демократии и гласности, хлынул доселе прозябавший в литературных катакомбах и кулуарах поток вседозволенности всех видов и направлений» [1992, с. 249]. В отсутствие государственной идеологии «подавляющее большинство народа находится в духовном смятении, оно не знает, куда прислониться» [Гусев, 1996, с. 159]. К. Мяло пишет о «фарсовом хороводе» стариков: «Это жалкое, явно спровоцированное политическими играми

¹ В. Елатов в рецензии на книгу П. А. Дружинина «Идеология и филология. Ленинград, 1940» разоблачает «*расторонных* литературных критиков и обличителей», применивших тактику «поминок» по советскому академическому литературоведению [2014, с. 264].

письмецо в “Советской России” равняется “Калинке”-94 у рейхстага» [Мяло, 1995, с. 186]. Ведомый (но важно – не сделавший осознанный выбор в пользу чуждых идеалов!), читатель / народ рисуется доверчивым и даже наивным. Ребенка легко ввести в заблуждение, искушить, он бессилён без помощи опытного взрослого. Таким помощником-спасителем становится патриотическая критика и патриотическая литература в целом. Идентификация себя со спасителем, проводником – дискурсная роль ¹ и еще одна дискурсная установка, которая определит коммуникативную структуру патриотических текстов.

Доверчивость читателя, в то же время, нетождественна слабости интеллигента-предателя ², которая подается в ином интонационном и оценочном режиме: «...некоторая часть интеллигенции, в очередной раз предав интересы народа, тихонько скулит и, забившись в пыльный угол, жалуется на свою несчастную судьбу» [Федь, 1993б, с. 232]; «Последнее столетие отечественные Гераклы мысли, именующие себя не иначе как интеллигентами, только то и делают, что клеветают на народ, кормивший их, а потом по-щенячьи скулят у подворотни Истории» [Федь, 1993а, с. 214]. Патриоты последовательно выстраивают оппозицию: служение-служба. Сравним: «Подобострастно служа новой идеологии, современная литература впадает в еще больший вульгарный социологизм, еще решительнее порывает со своей природой и предназначением» [Ткаченко, 1995, с. 209]; «Почитаем <...> и мы проникнемся его (Г. Горбовского. – Ю. Г.) <...> решимостью послужить России как родному существу» [Горышин, 1991, с. 189]. Используемая коннотация очевидно идеологически нагружена, что иллюстрирует мысль Р. Барта о возможности использования коннотации в качестве метода идеологического воздействия [2001].

Образ интеллигенции в патриотической критике неоднозначен. Наряду с интеллигентом-предателем рисуется образ, подобный слабому читателю, – соблазненной интеллигенции, осознающей свои ошибки и нуждающейся в иных ценностных ориентирах: «...творческая интеллигенция России оказалась в глубоком духовном тупике, в упадке. Лукавые идеологи “нового мышления” использовали ее в своих политических целях, а потом бесцеремонно выставили вон...» [Федь, 1993б, с. 236]; современная военная проза, «не находя новых мировоззренческих и духовных путей развития <...> позволила вовлечь себя в антиармейский психоз, участвовала в разрушении армии, руководствуясь ложными представлениями о гуманизме» [Ткаченко, 1996, с. 206]. Критика рисует образ блудного сына, осознавшего ошибки и вернувшегося

¹ О дискурсных ролях подробнее см.: *Силантьев И. В.* Газета и роман. Риторика дискурсных смещений. М., 2006; *Макаров М. Л.* Основы теории дискурса. М., 2003; *Карасик В. И.* О типах дискурса // *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс.* Волгоград, 2000.

² Предатель-интеллигент оказывается даже хуже предателя. Так, П. Богдан в отзыве на повесть В. Быкова «Стужа» пишет: «Сегодняшний Быков – это Рыбак из его же повести “Сотников”. Хотя, беру на себя смелость утверждать, такое сопоставление было бы оскорблением даже для Рыбака, ибо с самого начала войны перед ним не стоял вопрос, на чьей стороне правда» [1994, с. 267].

к истинным ценностям. В статье В. Курбатова «Второе утро», посвященной классике, этот образ появляется непосредственно: читатель, прозревая, понимает, что всегда может вернуться в свою «терпеливую отчизну» и должен «знать, что, как евангельский блудный сын», будет принят с любовью [1991, с. 187].

Заметим здесь, что враг рисуется как изощренный, сложный в своей разрушительной стратегии в отличие от святой простоты читателя (народа). Идеологически чужой отмечен возвышенной сущностью Зла. Он сродни фольклорному образу злой силы, временно неактивной и скрытой (см. образ подземелья в статье Е. Ованесяна), а теперь активизировавшейся («Вместе с тем все решительнее заявляют о себе разрушительные силы, заволакивающие достижения искусства туманом демагогии и политиканства» [Федь, 1993б, с. 232]), но обреченной на поражение. Сложность (терминологическая, аналитическая) – обязательный атрибут чужого образа мысли / чувства / текста в отличие от простоты «своего», лишенной лукавства, подтекста, двойного дна, умысла. Так, за используемым М. Липовецким понятием метасюжета, по мнению Е. Ованесяна, скрывается желание автора придать суждению ложную многозначительность («смотришь – и новое словцо уже мерцает манящей интеллектуальной загадкой!» [Ованесян, 1992, с. 250–251]). Имплицитно заявляется следующее: в отличие от либералов мы говорим на одном языке с читателем (народом).

Опасность врага иллюстрируется катастрофическими гуманитарными последствиями: воспитание поколения «хладнокровных, остроумных садистов» (Е. Ованесян), разложение художественного процесса изнутри (Н. Федь), растерянность, социальное и нравственное банкротство [Штокман, 1992, с. 185]; заполнение пустоты бессмысленного существования наркотической зависимостью [Кокшенева, 2002, с. 272] – «совершено то, на что не рисковал покусаться тоталитаризм» [Ткаченко, 1995, с. 213]. Другой способ акцентировать опасность – подчеркивание сатанинского начала: «“гуманизм” людоедской “либеральной идеи” с ее духовной энтропией, сатанинство внедряемого “нового мирового порядка” – все это полно эсхатологического предощущения» [Лобанов, 1994, с. 243].

Действия «врага» молниеносны¹, в то время как «своему» присущи неторопливое вчувствование, раздумья, и в то же время продуманы, изощренны, изобретательны: «Наверное, лишь наши потомки смогут в полной мере оценить и разрушительную роль законодателей “другой” литературной моды, всеми правдами и неправдами внедрявшими в общественное сознание идеи духовного и нравственного распада, облачая их в заманчивые псевдоинтеллекту-

---

¹ См., например: «Да, поистине поражает рвение, с каким критики “прогрессисты” в эпоху утверждения “общечеловеческих ценностей” бросились обслуживать антигуманную по существу и вредоносную для самой литературы доктрину <...>. Вспомним то множество хвалебных статей и рецензий, которое *молниеносно* появилось в сверхтиражных деморадикальных изданиях, чтобы создать вокруг повести С. Каледина “Смирненное кладбище” непроницаемый не только для критики, но и для объективного анализа охранительный барьер» [Ованесян, 1992, с. 253].

альные наряды, выискивая наиболее действенные средства, чтобы войти в доверие к читателю» [Ованесян, 1992, с. 256]; «в низком словаре оппоненты всегда изобретательнее и только ждут искушающего повода доказать это, выверяя свой пошло-утонченный инструментарий в арбатском поэтическом бесстыдстве» [Курбагов, 1991, с. 189]; «в литературном хаосе и неразберихе, иногда, впрочем, *нарочитых и хорошо организованных*» [Гусев, 1996, с. 157]; Е. Ованесян формулирует свою задачу так: «рассмотреть некоторые особенности произведения С. Каледина, ранее либо *искусно замолчанные*, либо *виртуозно препарированные*, – именно с целью ввести его, что пытался проделать И. Виноградов, “в русло исконной гуманистической традиции русской литературы”» [1992, с. 253]. Особенно очевидно это в изображении врага-Запада: «Лезут ведь настырно, день и ночь, со всех экранов. Активность удивительная, организованность уникальная, и ведь сколько народу сбили, заморочили, отучили свое узнавать, задурили головы, извратили вкус» [Артемов, 1993, с. 180].

Захватническая стратегия «чужих» описывается с употреблением лексики со значением битвы, схватки, словесных рядов с семантикой оружия. Так, Н. Федь называет «Детей Арбата» «сильным оружием <...> “архитекторов нового мышления” вкупе с “цепными псами” и “прорабами” перестройки в их борьбе за ту власть, которая управляет ныне государством...» [Федь, 1993б, с. 232].

Критику-патриоту свойственно отождествлять автора и его героя, художественную реальность и действительную. В случае интерпретации «своего» текста происходит отождествление-удвоение ценных качеств личности писателя, в противном случае – демонстрация серьезных изъянов мысли / души. Бесстрастная (нейтральная!) реплика «то ли Петрушевской, то ли ее персонажа» оценивается как кощунственная, циничная и нарочитая, и делается вывод: «автор раскрывает именно свой, индивидуальный мир, которому присуще безжалостное равнодушие к людям...» [Ованесян, 1992, с. 250]. Сама же Петрушевская, как и любой другой «чужой», оказывается в меньшинстве по сравнению с большой массой читателей, которые ценностно ориентированы иначе. Позиция меньшинства не делает «врага» слабее, акцентируется его редкая, невиданная жестокость (варианты: циничность, эгоизм, жадность и т. п.). Важно, что он умышленно, «насиленно» проецирует свое зло на героев, рисуемый мир, который будто сопротивляется, превращая новые тексты в поделки. Искусство в этой ситуации само, по мнению критика-патриота, становится жертвой (как и читатель).

В создании образа «своего» используются повторяющиеся, а потому восходящие к единым дискурсным смысло- / текстопорождающим установкам, формулы. «Свой» рисуется по контрасту с «чужими», успешными баловнями писательской судьбы: «Затерянные в городах и весях, нередко в безвестности и нищете, не стремясь к славе и злату, они несли людям свет доброты и справедливости, восславляя родную землю, без чего русская литература непредставима даже в самые темные, глухие времена...» [Ованесян, 1992, с. 251]. Заметим здесь распространенный в статьях патриотов прием: перечисление умаляющих свойств, а затем по контрасту, с «отказным движением» (А. Жолковский), замечание о вкладе, силе, значении «своего».

Типичная сюжетная схема, используемая в критике патриотов, – сохранение «своим» автором значимого качества в процессе испытания / искушения. Одним из таких качеств является неозлобленность и позитивность, которые даются по контрасту с жесткостью, озлобленностью либералов¹.

Любой идеологический дискурс имеет значимую установку на авторитет, на тот символический капитал, который в том числе активно используется как средство убеждения. Задача идеолога подорвать авторитетность капитала «чужих». Чаще всего для этого используется тактика разоблачения вкупе с иронией. Так, «опусы» авторитетных П. Вайля и А. Гениса называются лживыми (заметное обязательное упоминание о проживании в другой стране «нью-йоркского тандема»), «нью-йоркских обозревателей радиостанции “Свобода”»), исследования Н. Лейдермана и М. Липовецкого – наполненными ложной сложностью. Пространство за границы – крайняя для патриота степень ценностно ущербного центра в оппозиции «центр – провинция». Не только постоянное проживание, эмиграция, но и временное пребывание за рубежом оценивается как вариант символического предательства. Материальная обеспеченность – еще один атрибут «чужого»: «Вот совсем недавно, прожив в Америке с семьей целый год, она (Т. Толстая. – Ю. Г.) ненадолго приезжала в Москву – погостить перед тем, как уехать в США еще на год...» [Ованесян, 1992, с. 252], «их (авторов «другой прозы». – Ю. Г.) личный быт куда лучезарнее тяжелого существования огромной массы сограждан» [Там же, с. 260], а прозаики «новой волны», изображающие ужасы современного социального быта, предпочитают в реальности «куда более стабильную и уютную жизнь, в которой все ладно скроено и замечательно связано: фешенебельный быт, дорогие автомобили, длительные зарубежные поездки и т. п.» [Там же, с. 251].

В статьях патриотов находим и примеры символического изгнания за пределы страны, например, Виктора Ерофеева, «которому наша страна видится чаще всего “большой вонючей помойкой”» [Там же, с. 250]; предателя-Быкова: «А сегодняшний В. Быков – это уже не ласковый сын, с нежностью прикасающийся к рубцам и ранам Родины-матери. Он сегодня – хирург-прокурор (иначе бы его повесть и не опубликовали в журнале “Знамя”), срезающий раны и посыпавший их солью» [Богдан, 1994, с. 268]; отказ в русско-сти: «Как бы там ни было, в грозную годину борьбы русский народ, видимо, рискнет обойтись без помощи писателя В. П. Астафьева» [Федь, 1993а, с. 214].

---

¹ См., например: «Казалось бы, все обстоятельства соединились, чтобы погасить свет души, отравить сознание безверием. <...> Многие не выдерживали... Что тут мудрить: были и у Знаменского срывы, черные дни подозрительности и глухого отчуждения. Не железный же... А ведь сдюжил, сохранив свежесть чувств и остроту ума, веру и доброту...» [Федь, 1993а, с. 213]; о Л. Бородине: «никакого ожесточения, никакой мстительности, диссидентской ущербности. <...> никакой эковской угрюмости, никакой озлобленности на жизнь...» [Бондаренко, 1998, с. 249]; Е. Вепрев о политике журнала «Молодая гвардия»: «Главное состоит в раскрытии творческого созидательного потенциала народа, который позволял ему всегда выходить из тяжелейших испытаний еще более сильным» [1998, с. 367].

Если «чужой» – эмигрант в своей стране, предатель, нерусь, то в характеристике «своего» значимыми становятся родство по крови, верность и обладание сверхкачеством. Так, А. Знаменский, «*острее, чем другие*, переживает ее (родины. – Ю. Г.) трагическое состояние» [Там же, с. 213], «с *особой силой* ощущает резкое противоречие между высоким назначением человека и неутомимой жестокостью бытия, между гуманистическими идеями и грубой реальностью» [Там же, с. 219]. Исключительность объясняется прежде всего Знанием, которое интуитивно, от Бога, от природы, в результате драматичного жизненного опыта получил писатель. Так, Леонов в «Пирамиде» предвидит, предчувствует экологическую катастрофу [Лобанов, 1994, с. 241], Я. Смеляков, в представлении П. Ткаченко, *прозревает* суть соотношения русского и советского, осознает, что советский период – закономерный этап в трагической истории страны, что «нужно жить и гордиться настоящим, выйти из трагического прошлого» [Ткаченко, 2013, с. 228]. В статье Т. Шамякиной «Неба колокол бьет надо мной...» критик подчеркивает опыт приобщения к истине автора книги «У света тени нет»: «Но главное – истина, постигнутая на жизненной дороге <...>. В своем творчестве Тамара Краснова-Гусаченко сумела прикоснуться к таким глубинам души, где таятся и воспоминания, и предчувствия Небесной Гармонии» [2013, с. 281]. В. Бондаренко в статье «Отверженный поэт», посвященной Н. Тряпкину, последовательно выстраивает лейтмотив прозрения: «Его *вела судьба* изначально. Она дала ему подпитку народной жизнью, *дала знание* народной культуры. Его *пророческое потаенное слово* шло откуда-то из глубины глубин мистической Руси в поисках утраченных истоков, первооснов народного слова. Он был нашим русским дервишем, понятным <...> и в то же время не понятным почти никому в своих магических эзотерических *прозрениях* <...>. Он не погружался в фольклор, не изучал его, он сам был им, был *посланцем древнего смысла слова*» [2002]. Борис Примеров, в изображении В. Бондаренко, «видит мир как бы из какого-то дальнего и *провидческого сна* <...>. В таланте есть *пророческий дар* – он видел всю пустоту и гнусность режима новых людей» [Бондаренко, 2000, с. 257]. Уход провидца – трагедия, знак оставленности.

Необходимым условием функционирования идеологического дискурса является наличие символического капитала (апелляция к нему, упреждение). Одной из его составляющих для патриота является русская литературная классика, задающая верные эстетические ориентиры, соответствие которым определяет критическую оценку. Отклонение от них объявляется чуждым, является метой «врага». Так, С. Чупринин, по мнению Е. Ованесяна, чуть ли не святотатствует, объясняя причины успеха Т. Толстой ее «отказом и от “священных для многих постулатов жизнеспособия”, и от еще более священной установки на теплое сочувствие к любому литературному персонажу» [Ованесян, 1992, с. 252], т. е. отказом от реалистической школы. Традиционалистская линия русской литературы, являясь символическим капиталом патриотов, наделяется качеством провидческой силы, преодолевающей катастрофические обстоятельства событий, инициированных «чужими»¹.

¹ См., например: «Русская литература задолго до разрешенной гласности заявила о раскрестьянивании крестьянства, <...> она помогла обществу повер-

Символический капитал патриотов – это и народ, начало животворящее, критерий верной ценностной ориентации¹, объект служения. Русскость – по крови и символически – становится одним из главных критериев в означивании «своих – чужих», а также средством оправдания / легитимации поступка. У чужих «ничего общего с русской не имеющая речь» [Ованесян, 1992, с. 256], власть захватила «антирусская “элита” с признакам явного вырождения (духовного, морального, даже физического)» [Лобанов, 1994, с. 241], «свои» же аутентичны народу, так у Л. Сафронова, поэта из провинции, «особый склад народной речи <...> лукавый юмор русского человека» [Власенко, 1994, с. 238]. Русское национальное недоступно пониманию Запада и прозападно мыслящим². Позитивная оценка народа и очернение элиты, в целом «чужих», заметим, – типичная черта идеологического популистского дискурса.

Апелляция к народу / народности, русскости лежит и в основе конструирования образа и реакции реципиента. Критик распространяет свои эмоции на всех потенциальных читателей; производимый эффект во многом объясняется концепцией эстетического суждения И. Канта. В соответствии с ней, наблюдая какой-либо объект, человек способен испытать удовольствие от осознания того, что его восприятие (по закону универсальности эстетического вкуса, подобия структуры человеческого познания) совпадает с восприятием других. На это ориентированы риторические приемы, которые использует критика, чтобы создать эффект говорения на одном языке, согласия.

Читая литературно-критические тексты патриотов, мы, действительно, становимся свидетелями (или участниками – в зависимости от занимаемой рецептивной позиции) коммуникативного события, которое в соответствии с ритуальной по своей сути практикой разыгрывается, во-первых, между субъектом и адресатом высказывания, а во-вторых, между субъектом высказывания и «порядком» дискурса.

Патриотический критический дискурс как дискурс идеологический предполагает существование имплицитной доктрины (по М.Фуко «внутреннего механизма контроля над производством дискурса»), которая «связывает инди-

---

нуться к истокам русской культуры, народной духовности, ввела в общественное сознание житейский опыт и нравственные критерии Ивана Африкановича, Михаила Пряслина, бабушки из “Последнего поклона”, Егора Прокудина, Настены...» [Стрелкова, 1991, с. 185].

¹ В то время как реконструируемая «чужая» логика предполагает уничтожение: «Это направление («чернуха». – Ю. Г.) тяготеет к позиции тех слоев общества, которые склонны считать, себе в утешение, что во всем повинен сам народ, и только он, а потому так ему и надо, “тому народу” и “этой стране”» [Стрелкова, 1991, с. 186].

² Так, невнимание запада к литературным и философским текстам Пришвина объясняется «непониманием приоритета правды над нравами в русском национальном сознании». Здесь же подспудно диссидентское движение оценивается как чуждое европейское и противопоставляется народу: «Меж тем в природе русского духовного сопротивления главенствовало не столько сопротивление административно-командной системе, сколько тому отношению к человеку, которое навязывалось этой властью» [Стрелкова, 1991, с. 183].

видов с некоторыми вполне определенными типами высказываний и тем самым накладывает запрет на все остальные <...> она пользуется некоторыми типами высказываний, чтобы связывать индивидов между собой и тем самым отличать их от всех остальных» [Фуко, 1996б, с. 74]. Эта доктрина говорит о способе видения мира, способе упорядочения действительности патриотом. Дискурсивный анализ современной патриотической критики позволяет выделить (не)осознаваемые правила интерпретации и обговаривания фактов литературной действительности, мыслительные установки, порождающие все множество патриотических текстов: эмоционально-взрывное мышление оппозициями, инвариант которых «свой – чужой»; понимание литературно-критической деятельности как бескомпромиссной борьбы, битвы против изощренного в своих стратегиях «врага»; полагание образа катастрофических последствий победы «чужой» идеологии; установка на такой способ говорения о «чужом», который предполагает обвинение, разоблачение, запрет, символическое наказание; самопрезентация как спасителя для неопределившегося, дезориентированного, преступившего, обманутого(вшегося) читателя; представление о читателе как объекте преобразования, «формовки» (Е. Добренко). Перечисленное неизбежно «оживляет» образ яростного идеолога советского времени с его силовыми и авторитарными способами ведения идеологической борьбы.

И. Роднянская, критик-либерал, пишет: «Наш брат “либеральный” литератор если не запутается в колючей проволоке, то найдет – просто обязан найти в “патриотических” изданиях много интересного <...> не интересоваться “патриотическими” изданиями грешно и может дорого обойтись нелюбопытным, а вот диалог с ними, думаю, невозможен – или почти невозможен» (цит. по: [Чупринин, 2013]). Диалог, действительно, практически невозможен, как невозможно говорение на разных языках и пересечение столь разных дискурсивных «сценариев».

Литература

- Артемов В.* Гусли барда // Наш современник. 1993. № 1. С. 179–180.
- Арутюнова Н. Д.* Дискурс // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
- Барт Р.* Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975.
- Барт Р.* S/Z / Под ред. Г. К. Косикова. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Богдан П.* За сколько продан Василь Быков? // Молодая гвардия. 1994. № 8. С. 267–269.
- Бондаренко В.* Жизнь с открытым сердцем // Наш современник. 2000. № 2. С. 253–260.
- Бондаренко В.* Неожиданна проза Леонида Бородина // Наш современник. 1998. № 4. С. 247–249.
- Бондаренко В.* Отверженный поэт // Наш современник. 2002. № 8. С. 240–253. URL: <http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2002&n=8&id=9> (дата обращения 21.03.2014).

- Василенко А.* Нужен ли читателю новый роман Юрия Бондарева? // Молодая гвардия. 1995. № 10. С. 229–233.
- Вепрев Е.* Рождение героя // Молодая гвардия. 1998. № 4. С. 340–346.
- Власенко А.* Народ в беде // Молодая гвардия. 1993. № 7. С. 226–229.
- Власенко А.* Поэзия глубинки // Молодая гвардия. 1994. № 9. С. 235–239.
- Говорухина Ю. А.* Власть, запреты, нарушения без наказания в современной литературной критике // Новое литературное обозрение. 2013. № 119. С. 123–139.
- Говорухина Ю. А.* Русская литературная критика на рубеже XX–XXI веков. Красноярск, 2012.
- Горышин Г.* Сегодня. Вчера. Всегда // Наш современник. 1991. № 10. С. 186–189.
- Гусев В.* «Свой»? // Наш современник. 1996. № 4. С. 157–163.
- Деррида Ж.* Письмо и различие / Под ред. В. Лапицкого. СПб.: Академический проект, 2000.
- Добренко Е.* Русская литературная критика: история и метадискурс // История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи / Под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. М.: НЛЮ, 2011.
- Елатов В.* Родные филологи. ЛГУ, 1960-е // Наш современник. 2014. № 2. С. 251–264.
- Кара-Мурза А. А., Панарин А. С., Пантин И. К.* Духовно-идеологическая ситуация в современной России: перспективы развития // Полис. 1995. № 4. С. 6–17.
- Карасик В. И.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
- Кожмякин Е. А.* Идеология в поле искусства: возможности критического дискурс-анализа // Научные ведомости Белгородского гос. университета. 2007. № 9 (40) С. 39–47.
- Кокшинева К.* Все та же любовь... Проза молодых: мифы и реальность // Наш современник. 2002. № 7. С. 270–280.
- Курбатов В.* Второе утро // Наш современник. 1991. № 11. С. 186–189.
- Лавлинский Л.* Шаги истории // Наш современник. 1999. № 11. С. 259–265.
- Лобанов М.* Бремя «Пирамиды» // Молодая гвардия. 1994. № 9. С. 239–250.
- Мусихин Г. И.* Очерки теории идеологий. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013.
- Мяло К.* Мертвых проклятья // Наш современник. 1995. № 6. С. 186–192.
- Ованесян Е.* Творцы распада (тупики и аномалии «другой прозы») // Молодая гвардия. 1992. № 3/4. С. 249–262.
- Сорокин Ю. А.* Политический дискурс: попытка истолкования понятия // Политический дискурс в России: Материалы рабочего совещания. М., 1997. С. 57–62.
- Стрелкова И.* О живой и мертвой воде // Наш современник. 1991. № 12. С. 182–189.
- Ткаченко П.* «Входите тесными вратами...»: военная литература в изменяющемся мире // Наш современник. 1996. № 1. С. 203–212.

- Ткаченко П.* Крещение без креста: современная проза о несовременной армии // Молодая гвардия. 1995. № 5/6. С. 205–217.
- Ткаченко П.* Русский поэт советской эпохи // Наш современник. 2013. № 1. С. 222–255.
- Тюна В.* Основания сравнительной риторики // Критика и семиотика. 2004. № 7. С. 66–87.
- Федь Н.* Спор о тени осла, или литература созидания? // Молодая гвардия. 1993б. № 3. С. 231–246.
- Федь Н.* Страшные судьбы человеческие // Молодая гвардия. 1993а. № 5/6. С. 212–224.
- Фуко М.* Археология знания / Под ред. Бр. Левченко. Киев: Ника-Центр, 1996а. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fuko_arh/ (дата обращения 24.03.2014).
- Фуко М.* Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь Год, 1996б.
- Чупринин С.* Смыслоискательница // Знамя. 2013. № 9. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2013/9/18ch.html> (дата обращения 10.04.2014).
- Шамякина Т.* «Неба колокол бьет надо мной...» // Наш современник. 2013. № 7. С. 276–282.
- Штокман И.* Слово и судьба (Леонид Бородин: идеи и герои) // Наш современник. 1992. № 9. С. 178–185.
- Althusser L.* Ideology and Ideological State Apparatuses // On ideology. London, 2008.
- Althusser L.* Reading Capital. London, 1970.
- Dijk T. van.* Ideology and Discourse Analysis // Journal of political ideologies. 2006. № 11 (2). P. 115–140.
- Eagleton T.* Criticism and Ideology: A Study in Marxist Literary Theory. London: Verso, 1976.

Article metadata

Title: Literary criticism as an ideological discourse.

Author: Yu.A. Govorukhina.

Author's e-mail: yuliya_govoruhina@list.ru.

Author affiliation: Siberian Federal University.

Abstract: This article is an analysis-reconstruction of «symptoms» of patriotic literary-critical discourse as an ideological discourse. It describes procedures, practices, mechanisms of knowledge production. Discourse analysis allowed to identify conscious and unconscious rules of interpretation and description of the facts of literary reality, mental guidelines which generate patriotic texts: emotionally-explosive thinking by oppositions with invariant «ours – stranger»; understanding of the literary-critical activities as the uncompromising struggle, battle against the «enemy» sophisticated in their strategies; image of the catastrophic consequences in case of victory of «foreign» ideology; criticism as an accusation, exposing, prohibition, symbolic punishment; self-presentation as a savior for the

undecided, disoriented reader; thought about the reader as an object of conversion. The analysis proves the impossibility of the dialogue between «patriots» and «liberals» whose discourse «scripts» in the criticism aren't intersected.

Key terms: discourse analysis, ideological discourse, ideology, interpretation, literary criticism, patriotic criticism, power discourse, pragmatics of a text, reading history.

Reference literature (in transliteration):

- Artemov V. Gusli barda // Nash sovremennik. 1993. № 1. S. 179–180.
- Arutjunova N. D. Diskurs // Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedicheskiy slovar' / Pod red. V. N. Jarcevoj. M.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 1998.
- Barthes R. Osnovy semiologii // Strukturalizm: «za» i «protiv». M.: Progress, 1975.
- Barthes R. S/Z / Pod red. G. K. Kosikova. M.: Jeditorial URSS, 2001.
- Bogdan P. Za skol'ko prodalsja Vasil' Bykov? // Molodaja gvardija. 1994. № 8. S. 267–269.
- Bondarenko V. Zhizn' s otkryтым serdcem // Nash sovremennik. 2000. № 2. S. 253–260.
- Bondarenko V. Neozhidanna proza Leonida Borodina // Nash sovremennik. 1998. № 4. S. 247–249.
- Bondarenko V. Otverzhenyj pojet // Nash sovremennik. 2002. № 8. S. 240–253. URL: <http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2002&n=8&id=9> (data obrashhenija 21.03.2014).
- Vasilenko A. Nuzhen li chitatelju novyj roman Jurija Bondareva? // Molodaja gvardija. 1995. № 10. S. 229–233.
- Veprev E. Rozhdenie geroja // Molodaja gvardija. 1998. № 4. S. 340–346.
- Vlasenko A. Narod v bedе // Molodaja gvardija. 1993. № 7. S. 226–229.
- Vlasenko A. Pojezija glubinki // Molodaja gvardija. 1994. № 9. S. 235–239.
- Govoruhina Ju. A. Vlast', zaprety, narushenija bez nakazanija v sovremennoj literaturnoj kritike // Novoe literaturnoe obozrenie. 2013. № 119. S. 123–139.
- Govoruhina Ju. A. Russkaja literaturnaja kritika na rubezhe XX–XXI vekov. Krasnojarsk, 2012.
- Goryshin G. Segodnja. Vchera. Vsegda // Nash sovremennik. 1991. № 10. S. 186–189.
- Gusev V. «Svoi»? // Nash sovremennik. 1996. № 4. S. 157–163.
- Derrida J. Pis'mo i razlichie / Pod red. V. Lapickogo. SPb.: Akademicheskij proekt, 2000.
- Dobrenko E. Russkaja literaturnaja kritika: istorija i metadiskurs // Istorija russkoj literaturnoj kritiki: sovetskaja i postsovetskaja jepohi / Pod red. E. Dobrenko, G. Tihanova. M.: NLO, 2011.
- Elatov V. Rodnye filologi. LGU, 1960-e // Nash sovremennik. 2014. № 2. S. 251–264.
- Kara-Murza A. A., Panarin A. S., Pantin I. K. Duhovno-ideologicheskaja situacija v sovremennoj Rossii: perspektivy razvitija // Polis. 1995. № 4. S. 6–17.
- Karasik V. I. O tipah diskursa // Jazykovaja lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs: Sb. nauch. tr. Volgograd: Peremena, 2000. S. 5–20.

Kozhemjakin E. A. Ideologija v pole iskusstva: vozmozhnosti kriticheskogo diskurs-analiza // Nauchnye vedomosti Belogorodskogo gos. universiteta. 2007. № 9 (40) S. 39–47.

Koksheneva K. Vse ta zhe ljubov'... Proza molodyh: mify i real'nost' // Nash sovremennik. 2002. № 7. S. 270–280.

Kurbatov V. Vtoroe utro // Nash sovremennik. 1991. № 11. S. 186–189.

Lavlinskij L. Shagi istorii // Nash sovremennik. 1999. № 11. S. 259–265.

Lobanov M. Bremja «Piramidy» // Molodaja gvardija. 1994. № 9. S. 239–250.

Musihin G. I. Ocherki teorii ideologij. M.: Izd. dom VShJe, 2013.

Mjalo K. Mertvyh prokljat'ja // Nash sovremennik. 1995. № 6. S. 186–192.

Ovanesjan E. Tvorcy raspada (tupiki i anomalii «drugoj prozy») // Molodaja gvardija. 1992. № 3/4. S. 249–262.

Sorokin Ju. A. Politicheskij diskurs: popytka istolkovanija ponjatija // Politicheskij diskurs v Rossii: Materialy rabocheho soveshhanija. M., 1997. S. 57–62.

Strelkova I. O zhivoj i mertvoj vode // Nash sovremennik. 1991. № 12. S. 182–189.

Tkachenko P. «Vhodite tesnymi vratami...»: voennaja literatura v izmenjajushemsja mire // Nash sovremennik. 1996. № 1. S. 203–212.

Tkachenko P. Kreshhen'e bez kresta: sovremennaja proza o nesovremennoj armii // Molodaja gvardija. 1995. № 5/6. S. 205–217.

Tkachenko P. Russkij pojet sovetskoj jepohi // Nash sovremennik. 2013. № 1. S. 222–255.

Tjupa V. Osnovaniya sravnitel'noj ritoriki // Kritika i semiotika. 2004. № 7. S. 66–87.

Fed' N. Spor o teni osla, ili literatura sozidanija? // Molodaja gvardija. 1993b. № 3. S. 231–246.

Fed' N. Strashnye sud'by chelovecheskie // Molodaja gvardija. 1993a. № 5/6. S. 212–224.

Foucault M. Arheologija znaniya / Pod red. Br. Levchenko. Kiev: Nika-Centr, 1996a. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fuko_arh/ (data obrashhenija 24.03.2014).

Foucault M. Porjadok diskursa // Volja k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. M.: Kastal' God, 1996b.

Chuprinin S. Smysloiskatel'nica // Znamja. 2013. № 9. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2013/9/18ch.html> (data obrashhenija 10.04.2014).

Shamjakina T. «Neba kolokol b'et nado mnoj...» // Nash sovremennik. 2013. № 7. S. 276–282.

Shtokman I. Slovo i sud'ba (Leonid Borodin: idei i geroi) // Nash sovremennik. 1992. № 9. S. 178–185.

Althusser L. Ideology and Ideological State Apparatuses // On ideology. London, 2008.

Althusser L. Reading Capital. London, 1970.

Dijk T. van. Ideology and Discourse Analysis // Journal of political ideologies. 2006. № 11 (2). P. 115–140.

Eagleton T. Criticism and Ideology: A Study in Marxist Literary Theory. London: Verso, 1976.